

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВОЛОГОДСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

**Сборник статей
по материалам конференции**

КР 1469984

ВОЛОГДА
2015

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, МЕТОДИКА

Андреева Е.П., Берсенева Л.А. ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД «СЛОВАРЕМ ПРОМЫСЛОВОЙ ЛЕКСИКИ СЕВЕРНОЙ РУСИ XV–XVII ВВ.»	3
Андреева Е.П. СТРУКТУРА ФОНЕТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В ГО- ВОРЕ РЕЖИ	10
Зорина Л.Ю. ПАРЕМИИ В ЖИВОМ НАРОДНОМ БЫТОВАНИИ (на ма- териале речи жителей Рижского поселения Сямженского района Вологод- ской области)	21
Комлева Н.В. КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРОЗВИЩА И ОТТОПОНИМИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ РЕЖСКОГО СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ	29
Богобоязов С.Н. ЗАПИСИ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВСЕСТОРОННЕГО ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТА	32
Бубнова Н.В. К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ РЕГИОНАЛЬ- НЫЙ ОНОМАСТИЧЕСКИЙ КОД КУЛЬТУРЫ (на основе работы со смо- ленским материалом)	39
Газукина Ю.А. МИКРОТОПОНИМИЯ ОРЛОВЩИНЫ КАК ЛИНГВИС- ТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ О ГЕОБОТАНИЧЕ- СКОЙ КАРТИНЕ И КАРТИНЕ ЖИВОТНОГО МИРА РЕГИОНА	46
Черняева М.И. РЕЧЕВАЯ СИТУАЦИЯ ПРИВЕТСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	52
Локтев Е.В. БЕЗЛИЧНО-ГЕНИТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ТЕКСТЕ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ	55
Климак И.С. СЛОВА С ПРЕФИКСОМ РАЗ- / РАС- В ВОЛОГОДСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПЕСНЯХ	58
Трикоз Э.Л. ОТРАЖЕНИЕ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ ВОЛОГОД- СКИХ КУПЦОВ ОБЫДЕННОГО МЕТАЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ (на материале писем фонда Шелиховых-Будлаковых Вологодского государст- венного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, конец XVIII–первая половина XIX века)	65
Ненашева Л.В. ГРАФИЧЕСКИЕ И ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННО- СТИ ЖИТИЯ АРСЕНИЯ КОМЕЛЬСКОГО НАЧАЛА XVIII ВЕКА	69
Выхрыстюк М.С. СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССА СТАНОВЛЕНИЯ НОРМИ- РОВАНИЯ ТЕКСТОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬ- МЕННОСТИ	73

Кулева А.С. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТЕКСТ В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ (на материале «Словаря русской поэзии XX века»)	77
Теуш О.А. ДРЕВЕСНАЯ МЕТАФОРА В ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РУССКОГО СЕВЕРА	83
Яцкевич Л.Г. СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СЛОВА «РАКИТА» В ПОЭЗИИ Н. А. КЛЮЕВА	85
Головкина С.Х. ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВ-НАЗВАНИЙ ДЕРЕВЬЕВ В ПОЭЗИИ Н. А. КЛЮЕВА	95
Нуралиева Л.А. СЛОВО «ВДОВА» В ПОЭЗИИ Н. А. КЛЮЕВА (традиционные и индивидуально-авторские особенности употребления)	103
Зубова Н.Н., Ильина Е.Н. ПОВЕСТЬ А.Я. ЯШИНА «ВЫСКОЧКА»: К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИЗА ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	107
Карачева Н.Н. ФЕНОМЕН ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (на материале сопоставления анализа записей речи Н.Д. Шиловской и анализа речи женских персонажей прозы А.Я. Яшина)	113
Судаков Г.В. В. И. БЕЛОВ И ПРОБЛЕМА «ВОЛОГОДСКОГО ТЕКСТА»	118
Гусева О.Н. РЕГИОНАЛЬНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»	129
Петров А.В. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВОЛОГОДСКОГО РЕГИОНА В ПОЭЗИИ ОЛЫГИ ФОКИНОЙ	135
Виноградова А.С. ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНА «КАРЬЕРА» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РУССКИХ ТЕКСТАХ	142
Попов Р.В. НЕОФИЦИАЛЬНАЯ МИКРОТОПОНИМИЯ ВОЛОГДЫ	145
Гладинова М.Н. СЕМАНТИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ АРХЕТИПИЧЕСКОГО ОБРАЗА СЕВЕРНОГО ЧЕЛОВЕКА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ	154
Минец Д.В., Елистратова К.А. ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	159
Игнатъева Т.В. ЯЗЫК РЕКЛАМЫ В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ	164
Драчева Ю.Н., Ильина Е.Н. ДИНАМИКА ОБРАЗА ВОЛОГДЫ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	167
Драчева Ю.Н., Опахина Е.В. ЗАРУБЕЖНЫЙ МЕДИАТЕКСТ О ВОЛОГДЕ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	177
Соколова К.Н. ОБОЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ 'СНЕГ' В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	181
Колесова И.Е., Колесова М.Л. ВОЛОГОДСКИЙ И ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ РАЙОНЫ В КАРТИНЕ МИРА СТУДЕНТА-ПЕРВОКУРСНИКА	186

ФЕНОМЕН ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
(на материале сопоставления
анализа записей речи Н.Д. Шиловской
и анализа речи женских персонажей прозы А.Я. Яшина)

С середины XX столетия в рамках когнитивной лингвистики наблюдается повышенный интерес исследователей к изучению индивидуально-авторской картины мира и особенностей вербализации языковой личности (см. труды Ю. Д. Апресяна, М. М. Бахтина, Г. И. Богина, В. В. Виноградова, А. А. Леонтьева, Ю. С. Степанова, Ю. Н. Караулова, В. И. Карасика, Л. А. Шестак и др.). Термин «*языковая личность*» впервые был использован в 1930 г. В. В. Виноградовым в книге «О художественной прозе» и вошел в научный оборот в конце 80-х гг. XX в. после публикации книги Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» (1987). Языковая личность – совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются по: а) степени структурно-языковой сложности, б) глубине и точности отражения действительности, в) определенной целевой направленности [2, с. 3].

Термин «*виртуальная языковая личность*» многозначен и имеет целый ряд синонимов [1], но в рамках данного исследования мы используем его в значении «вымышленная личность, создаваемая человеком или группой людей, порождающая семиотические артефакты и описываемая извне» [1].

Феномен «*диалектной языковой личности*» представляет собой сложное единство общерусских и собственно диалектных, общеязыковых и индивидуальных черт. Общерусские элементы составляют основу системы речевых средств любой русской языковой личности, диалектные особенности выявляются на фоне литературных, а индивидуальные – при сравнении с другими говорящими. Исследование диалектной языковой личности ведётся на изучении устной речи (так как диалект – устная форма языка). Это могут быть либо записи звучащей речи на диктофон, либо записи, сделанные исследователем вручную.

Шиловская Нина Дмитриевна, уроженка города Никольска Вологодской области, является диалектной языковой личностью на всех уровнях структуры языковой личности.

На вербально-семантическом уровне на фоне общерусских черт, собственных разговорной речи (фонетические стяжения, просторечные унификации немодельных образований по образцу регулярных склонений и спряжений, ситуативная неполнота синтаксических конструкций и пр.), в речи Нины Дмитриевны Шиловской весьма устойчиво реализуются типичные черты восточных севернорусских говоров в области фонетики, лексики и грамматики. Это свидетельствует о том, что наш информант весьма

органично существует в системе местного говора, активно используя локальную форму речи в своём бытовом общении.

Многочисленные примеры лексических диалектизмов свидетельствуют о принадлежности Нины Дмитриевны к числу людей, сохраняющих особенности вологодской группы говоров в своей повседневной речи.

На когнитивном уровне, проанализировав темы, концепты, способы обращения к собеседнику и мотивы Нины Дмитриевны, можно сказать о том, что у информантки с детства сформирована диалектная языковая картина мира. Мировосприятию Нины Дмитриевны Шиловской свойственны парцелированность, сфокусированность в сфере своих непосредственных интересов, прагматичность, направленная на выживание крестьянской семьи в сложных природных и социальных условиях, традиционность и стереотипность восприятия действительности, тяготение к узואльно закреплённой этической и эстетической норме, эмоциональность и экспрессивность. Все эти черты исследователи русской языковой картины мира определяются исследователями как базовые для диалектного варианта её существования [2].

На прагматическом уровне мы отметили, что Нина Дмитриевна православная крестьянка, заботящаяся о своих родных и близких людях, верящая в приметы и соблюдающая законы православия. Характерной особенностью речи Нины Дмитриевны являются ее неторопливые, наполненные примерами из жизненного опыта ответы на вопросы, выбор темы для рассуждения, стремление к диалогу, отзывчивость и открытость.

Нина Дмитриевна владеет индивидуальным запасом вербальных и невербальных средств для актуализации информационной, экспрессивной и прагматической функций коммуникации; умеет варьировать коммуникативные средства в процессе коммуникации в связи с изменением ситуативных условий общения; строит высказывания в соответствии с нормами избранного коммуникативного кода и правилами «речевого этикета». Наша информантка как *коммуникативная личность* использует в речи свой спокойный, уравновешенный коммуникативный стиль.

Нина Дмитриевна – прекрасная мать, хорошая хозяйка, добрая и заботливая бабушка и прабабушка. Ее очень любят родные и близкие. У информантки есть подруги, часто навещающие ее, рассказывающие о своей жизни и слушающие ее. Движущей силой, способной дать надежду на светлое будущее является православие и вера в бога.

Таким образом, проанализировав все уровни структуры языковой личности по Ю. Н. Караулову и Е. В. Иванцовой, можно сделать вывод о том, что Нина Дмитриевна Шиловская представляет собой реальную диалектную языковую личность.

Свойства диалектной языковой личности могут обнаруживать как жители отдельных территорий, говорящие преимущественно на родном диалекте и живущие в контексте локальной бытовой и духовной культуры, так и представители творческой интеллигенции – уроженцы определённой местности, владеющие различными функциональными разновидностями

национального языка, репрезентирующие в своей эстетической концепции самобытность локальных культур как основу национальной ментальности. Порождаемые этими личностями тексты неодинаковы как в проблемно-тематическом ключе, так и по своей жанрово-стилистической природе, но вместе с тем реализуют сходные личностные черты.

А. Я. Яшин в своих прозаических произведениях моделирует диалектную языковую личность, и локальная специфика проявляется на трех уровнях: 1) ассоциативно-вербальная сеть (вербально-семантический уровень), 2) тезаурус, 3) прагматикон (мотивационно-прагматический уровень).

На вербально-семантическом уровне мы исследовали грамматико-парадигматические и семантико-синтаксические особенности персонажей. Следует отметить, что повествователь и персонажи повестей А. Яшина проявляют готовность к номинациям, к рецепции лексики, готовность к устной речи. Их отличает воспроизведение и восприятие текстов повседневного общения (употребление просторечий, устаревших слов, диалектизмов, разговорных лексем).

При характеристике тезаурусного (когнитивного) уровня следует обратить внимание на использование модально окрашенных высказываний, готовность к развертыванию аргументации, соединение реплик в диалоге при их нетавтологичности, готовность к импровизированной речи. Главные герои произведений Яшина – простые деревенские жители, в речи которых вербализуются концепты «дом», «сторона», «душа», «народ».

На мотивационно-прагматическом уровне у персонажей А. Яшина реализуется способность к ведению диалога, готовность к управлению общением, использование «крылатых выражений», оперирование подъязыком разговорной речи и др.

Характеризуя концептосферу героев А. Яшина и Нины Дмитриевны, можно выделить взаимосвязь: в текстах отчетливо прослеживается любовь к Родине, к родному краю, к своему дому. Например, Матрена Савельевна (повесть «Слуга народа») всей душой связана с деревней, она часть ее: *«Только какая уж я городская. Так, горе одно. Сама ехала, а душа все там, словно для нее паспорта не выдали»*. Нина Дмитриевна вдали от Родины тоже очень тоскует: *«Думаешь чаще об детях, про детей нельзя забывать, тоскуешь об матери, если мама ешь»*. В речи Матрены Савельевны активно реализуется концепт «дом»: *«Мы дома лаптем щи хлебаем. Это тебе все будто так и надо, а мне порой кусок в горло не лезет»* [6, с. 663], *«И у нас в деревне, Нина, не все одинаково живут. Есть колхозы хорошие, а есть – так себе»* [6, с. 665]. Нина Дмитриевна в текстах также активно реализует концепт «дом»: *«Конечно скучаю об своём доме», «Да вот хороший наш дом»*.

Детские годы Нины Дмитриевны сближают ее с описанием жизни свиначки Нюрки (повесть «Выскачка»). Главная героиня повести «Выскачка» – девочка по имени Нюрка, которая после окончания шести классов вынуждена была работать старшей свиначкой на свиноферме. Ее напарницы, Евлампия Трехпалая и Пелагея Нестерова, за присвоение ей статуса

«старшей» называли девочку «выскочкой». На страницах повести А. Яшин подробно описывает, как Нюрка, Евлампия и Пелагея, «добывая» корм свиньям, рубят солому топорами, таскают ее на санках, греют воду в котле, затем достают дрова, распиливают и колот на мелкие плахи. Распаренную рубленую солому перемешивают в кипяченой воде и ведрами разносят по кормушкам, по корытам. Лампия (Евлампия) чистит свинарник. Описывая детские годы, Нина Дмитриевна подробно рассказывает о работе в колхозе:

«А отучилась семь-то классов, стали... Уж год отработала так-то, а тут стала телят маленьких набирать из-под матки. Набрала телят, двадцать один телёночек был. Сама всё пошла, сама кормила, сама и гоняла. Все дни гоняешь, вечером напоишь, накормишь, в загородки розгонишь их и домой. Отдохнёшь, а утром ранёхонько опеть надо всех напоить.

А семь классов вот кончила. А ты вот представь сама себя: велика ли ты была, например? Мы не с семи годоф-то учились, а с девяти, наверно. Раньше, ну-ко, с девяти ходили.

Ну и вот, три года и вот эдак и кормила скота всё, а ошо от деревни-ту у нас двор-от был за километр. Надо ходить утром и зимой вот эдак, и зимой бегать надо, вот и дороги занесёт и всё, а километр целый надо идти до двора было. И всё вот ходили эдак. Я бы вот теперь вам всё показала тут: где был у нас скотный двор, где мы пасли телят, где мы чиво. Так видишь, сейчас уж некогда. Стара стала, не получаеця ничево.

Ну, а потом короф взяла, короф. Короф стала кормить дак короф свой, в своей деревне. Тут уж бегать-то не надо было, коровник был тут, рядом. Токо рано надо было вставать, двенадцать короф подоить, всех накормить, напоить, воды наносить им на всех, нагрить ошо котёл, вот. Да три скотницы у нас было во дворе, да тридцать шесть короф у нас было, да всем по быку. А быки-то, знаешь какие большушие были, временные. Временные, знаешь, большие-то такие, так лино страшно заходить в загородку-ту. Одну скотницу у нас и истолк бык-от один. А я-то маленькая дак, под если буди залезу, как он будет форсить-то или штё-ли, зухаю на него дак, сама под если. Ведь надо и выпрятать у них всё из загородок-то и всё сделать надо. Вот так. Потом зимой-то... Сколь я их кормила... Я гонеть-то короф не гоняла, я токо взяла осенью, а зимой-то вот у меня и приехал Василий-то мой».

В словах Нюрки и Нины Дмитриевны обнаруживается настоящая крестьянка – работающая простая женщина, знающая и любящая дело, которому служит. Различие в описании сельской жизни отмечается в том, что Нюрку за прилежное отношение к работе и присвоение статуса «старшей» прозвали «выскочкой», а Нина Дмитриевна в рассказе о тружениках отметила: «Уважали. Любили труженников все фсегда. Если хорошие да умные, дак если чиво и скажут дак, хоть они и моложе, ак послушивали всё-таки».

Описывая жизнь без отца, Нина Дмитриевна сближается с героем-тружеником повести «Сирота» Шуркой: «У нас убили отца на войне, мы никакой помощи от государства не получали никогда. И было у мамы семеро детей. А не знаю, как тем детям платили ли не платили. Этова я не

могу сказать». Поведение Павла Мамыкин, активного манипулятора, пользовавшегося своим «ниждивенческим» положением, не знакомо информантке, не знающей льгот и государственной помощи в послевоенное время: *«Льготы? Не знаю. Этова я не могу ответить».*

Сопоставляя поведение Гали (повесть «Вологодская свадьба») и Нины Дмитриевны при разговоре о муже, можно сделать вывод о противоположных поведенческих реакциях. Особенность характера Гали прослеживается в ее диалоге с мужем:

Петр: Ты кто? Жена ты мне или нет? Я Чапай! Понимаешь ты это: я – Чапай!

Гая: Ну ладно, ты, Чапай. А только я больше тебя зарабатываю. Понял? Чего ломаешься-то?

В диалогах между Петром и Галей можно проследить динамику их отношений: сначала Галя старалась беспрекословно слушаться мужа, молча слушала все его замечания. Но в какой-то момент в ее речи стали появляться элементы агрессии (*Понял? Чего ломаешься-то?*), после которых Петр осознал, что женился на гордой и независимой девушке, которая не даст себя в обиду.

Нина Дмитриевна в ответ на вопрос о соотношении роли мужа и жены, состояния их заработка, положения в семье робко ответила: *«Ну, зарабатывал я не знаю: когда, хто больше. Но фсѣ-таки муш фсегда был главный...»* Этот ответ сближает ее с поведением Груни и Тони (повесть «Вологодская свадьба»), которые весь вечер свадьбы просидели в углу на кухне, беседуя о тяжелой женской доле.

Таинственный свадебный обряд информантка отказалась описывать: *«Старинные обряды были, так по-старинному и праздновали», «Не помню фсево», «Пили как фсегда: хто сколь хочѣт. Как и тепере пьют. Хто много хочѣт, ак пѣт много, хто мало, ак мало. Фсякие, ак люди разные».*

В процессе описания Шиловской Нины Дмитриевны как диалектной языковой личности захотелось сопоставить поэтическое отношение А. Яшина к рябине (новелла «Угощаю рябиной»), вобравшее в себя тоску по малой родине, любовь к родному краю, и мнение информантки: *«Рябина? Не знаю. Мне тепере ничѣ нельзя ись, ак и рябину... Дерево как дерево. Ягоды на нём вешаются и баскиѣ. Рябинка и у тово дома рябина есь, посажена, растѣт баская».* Следовательно, образ писателя значительно отличается от обыденного представления Нины Дмитриевны о рябине.

Таким образом, при характеристике информантки следует отметить, что основные черты диалектной языковой личности Нины Дмитриевны Шиловской сближают ее с героями произведений А. Яшина. В когнитивном плане эти черты проявляются в мировидении сельских жителей Русского Севера. Здесь могут быть отмечены такие черты, свойственные диалектной языковой личности, как приоритетность проблем биологического выживания человека, обретения гармонии его существования среди людей и в мире природы, соотносительность труда с биологическими условиями проживания человека в определенной местности.

Литература

1. Горный Е. А. Виртуальная личность как жанр творчества [электронный ресурс] / Е.А. Горный // Виртуальная личность как жанр творчества – Режим доступа: URL: <http://www.netslova.ru/gornyy/vl.html>. Дата обращения: 24.03.2014.
2. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности: дисс. д-ра филолог. наук. – Томск, 2002.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
4. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – М., 1989.
5. Рулева А. С. Александр Яшин. Личность. Поэт. Прозаик. – Л., 1980.
6. Яшин А. Я. Бобришный Угор. – Вологда; Никольск, 1998.
7. Яшин А. Я. Повести и рассказы. – Архангельск, 1980.

Г. В. Судаков
Вологда

В. И. БЕЛОВ И ПРОБЛЕМА «ВОЛОГОДСКОГО ТЕКСТА»

Художественные произведения В. И. Белова посвящены изображению вологодской, преимущественно сельской действительности. Поэтический и одновременно реалистический образ Вологодчины, герои со своим мировосприятием происходящего – всё это позволяет ставить вопрос: могут ли произведения Белова служить образцом «вологодского текста»?

Идея «региональности» как набора особых художественных качеств текста, обусловленных свойствами описываемого объекта, появилась сравнительно недавно: её выдвинул в 1984 году и затем обосновал в своих работах, посвященных «петербургскому» тексту В. Н. Топоров (1928 – 2005). То, что возможность претензий того или иного региона на наличие своего регионального текста зависит прежде всего от значимости самого региона в культурной истории государства, было очевидно для автора идеи: «Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) – так называлась его первая работа, посвященная обозначенной проблеме (впервые опубликована в 1984 г. в вып. 18 «Трудов по знаковым системам» Тартуского ун-та) [33]. Первый раздел этого сочинения «Петербургская идея русской истории. Петербург – Москва» как раз и был посвящен обоснованию и характеристике особого «мифопоэтического пространства» Петербурга, особо выразительного при сопоставлении с аналогичным образом Москвы. Две особенности «петербургского» текста стали очевидны сразу: 1) высокая историко-культурная и геополитическая значимость региона (города) в истории государства; 2) наличие оппозиционных свойств в объекте, который исторически противопоставлен Москве: две столицы – две эпохи, два непохожих мира; при этом и сам город Петербург с позиций семиотики воспринимается как особый художественный текст – эта часть